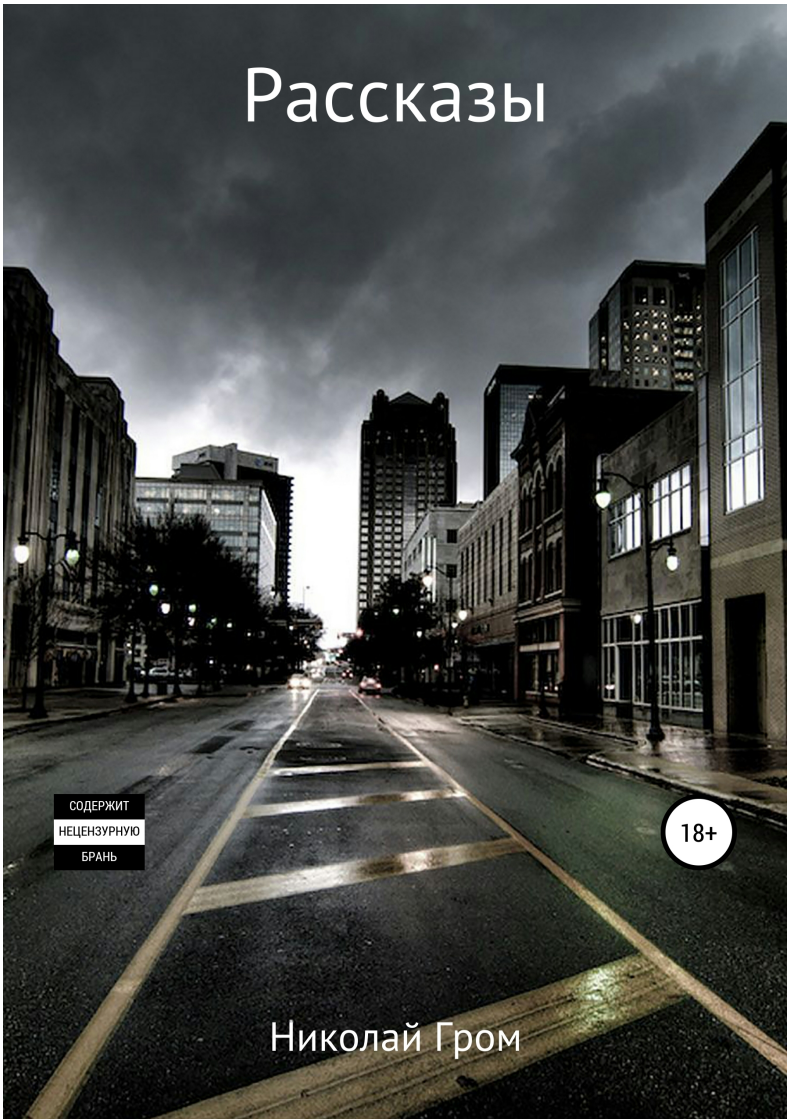
Рассказы



СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Николай Гром

Николай Гром
Уникальные рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56601625
SelfPub; 2020

Аннотация

Уникальные рассказы, способные вызвать у вас живую картинку, словно вы их герой или как минимум наблюдатель. Эмоции и глубокие мысли вам обеспечены.

Содержание

Парк для Веры 4
Сортир 10
Спринтер 14
В лифте 24
Психологи рекомендуют 26
Божественный ветер 33
Подруги 37
История с дальнего востока 42
Бездушный 50
Экзамен 59
Снайпер 73

Парк для Веры

Город был мёртв. Убит упавшим с неба рукотворным солнцем. Став похожим на давно заброшенное кладбище с покосившимися надгробиями и изрытыми воронкой могилами.

К одной из таких могил и направлял свои тяжелые шаги мужчина, закутанный в тёплую, одежду, хотя календарно, был ещё только конец августа. Мужчина был совершенно один, и вы едва бы его заметили за покрывшем одежду серым пеплом, который до сих пор продолжал сыпать с вечно серого неба. если бы не висевший на его плечах небольшой, ярко красный рюкзачок, с которого мужчина заботливо стряхивал пепел каждый раз как делал привал.

Этот рюкзачок, ещё помнил осторожные, и заботливые прикосновения своей молодой хозяйки – школьнице по имени Вероника. Или Вера, как в последнее время стал называть её отец, ведь именно Вера, было всё что у него оставалось.

Рюкзаку был уже почти год, но он так и не успел наполниться тетрадями и учебниками, как и положено рюкзакам первоклашек. Но он был очень любим и трепетно храним своей юной хозяйкой, искренни верящей, что вот-вот, уже совсем скоро всё закончится, и они, как ещё сотни других людей, выйдут наружу из своих мрачных убежищ, и устроив массовый субботник в наспех покинутом городе, вновь вер-

нуться к прежней жизни.

Маленькой Верочки едва исполнилось семь, когда привычный для неё мир вдруг пошатнулся, успев лишь издать раскатившейся эхом, тягучий гудок воздушной сирены. В тот день Вероника была в парке со своими папой и мамой. В этом парке было большое, или огромное, каким оно казалось маленькой Верочке озеро, а на покрытом зелёной травой берегу, покоилось перевёрнутые к верху брюхом, прогулочные лодки кроме тех, что уже занятые своими гребцами, бороздили голубовато-зелёную поверхность озера. Кругом играли дети, прогуливались влюблённые парочки и просто грелись на весеннем солнце.

Верочка очень любила этот парк, и старалась не упускать ни одного тёплого дня, чтобы покататься с папой на лодке. Тогда выбравшись на середину озера, отец оставлял вёсла мерно покачиваться за бортом, и брался за чтение утренней газеты. А пока он неспешно читал, его маленькая дочка Вероника откидывалась назад, и прищурив глаза смотрела на небо. Её окутывал звук бьющей о борт мелкой волны, пение птиц и голоса людей.

Путь от убежища в город, занял у отца Веры три долгих, тяжелых дня. Зрелище, приставшие его глазам было ужасно. Это как возвратятся к родителям, которых давно не видел, а оказаться у их заросшей сорняками могилы. Казалось его вот-вот покинут последние силы. И всё что ему хотелось, это просто упасть от бессилия и умереть. Но это чувство пресле-

довало его всю дорогу, и он просто не смог бы преодолеть этот путь если бы поддался ему. Реветь, биться в истерике, кричать уткнувшись заиндевевшем лицом в детский рюкзак. Это всё что он мог себе позволить. А потом встать и идти дальше; ведь он обещал. Вот и парк. Он когда-то был душою города, а сегодня мёртв, мёртв, как и всё вокруг. Его обмелевший водоём покрыла багряной плёнкой, со стороны так похожей на отражение закатного неба. Только это ни небо. И последним закатом озарившем небо, был закат атомного взрыва. Кто и зачем начал ту войну не известно, ясно лишь то, что победивших в ней нет. Остались только выжавшие, те, чья жизнь больше похожа на эхо давно затихшей сирены.

Если верить старым, заводным часа, то отец Вероники добрался до парка примерно в восемь утра. Согнувшись он стоял у подножия моста пересекающего озеро. Путь был завершён, и накопившаяся усталость прижимала его к земле и смыкала припухшие веки.

На секунду среди жгущей темноты, ему послышался звук опущенного в воду весла и чей-то беззаботный смех. Он попытался разомкнуть усталые веки, но не смог. «Папа, папа, давай покатаемся» услышал он дочкин голос, такой явственный и живой, словно она стояла совсем рядом, держа его за руку. Широко распахнув глаза, он посмотрел прямо перед собой. Но в его руках был всё тот же красный рюкзачок, и обжигала воспалённый слух тишина.

Сотрясаясь в рыдание, он облокотился о перила моста, и

что-то долго шептал, прижав губы к потёртой спинке рюкзачка. Казалось прошла вечность, ещё одна вечность после рвущей душу катастрофы, прежде чем он продолжил шагать к вершине моста. Трясущимися от рыданий и холода пальцами, он с трудом, но аккуратно, расстегнул молнию и вынул из него небольшой, алюминиевый термос. Прижав термос к груди и заботливо прикрыв его курткой, мужчина зашептал: «Моя девочка. Моя милая маленькая девочка. Я сделал это. Я пришёл» Подойдя к краю моста, случайно столкнув рюкзачок в озеро, мужчина последний раз нежно поцеловал блестящую поверхность термоса, и отвинтив крышку, осторожно протянул его над озером.

Перед своей смертью, город заботливо позволил укрыться своим обитателям у себя за пазухой. Крики и взрывы сотрясали его улицы, разрушая дома и судьбы людей. Последнему человеку, успевшему закрыть за собой двери убежища, похоже случилось увидеть нечто такое, что не дало ему больше проронить ни слова. Мощный толчок сотряс стены убежища и все не сговариваясь поняли, что произошло невообразимое.

Трудно сказать, сколько прошло дней или недель, а быть может лишь пара часов. Когда среди толпы, появились первые, пожелавшие покинуть укрытие. Тогда из пяти, обратно вернулось только двое, принеся с собой отчаяния и неизвестную болезнь. Горд накрыло вуалью смерти. Той смерти, что когда-то окутывала Хиросиму и Нагасаки.

А люди ждали, надеялись и умирали. Надеялась и маленькая Вероника. Она благодарила Бога за то, что не одна, что рядом с ней её мама и папа. А ведь даже этим, увы мог похвастаться не каждый. Но к сожалению, Верина мама, и на поверхности не отличавшаяся хорошем здоровьем, здесь лишенная нормального света и тепла, стала быстро чахнуть, и спустя время тихо умерла, став первой среди многих.

Неделю за неделей, многоликая смерть продолжала забирать свою безжизненную дань, вынудив выживших устроить крематорий и свой собственный склеп. С Верой остался только папа. Его дочка всегда была веселым и жизнерадостным ребенком, но смерть матери, мрачные лица окружающих, и отсутствие неба, делали своё чёрное дело. Девочка стала замкнутой и почти не разговаривала. Отец как мог пытался приободрить свою любимою дочку, но ему это почти не удавалось. Так на пороге смерти оказалась и маленькая Вера, последний лучик света для её отца, в этом угасающем склепе.

Он проводил всё своё время рядом с дочерью. Что-то рассказывая пока она была в сознании, и отчаянно молился, когда она засыпала тяжелым, вязким сном. В один из таких, столь похожих друг на друга дней, Отцу Веры показалось что смерть отступила от её ложа. Она приподняла голову, а в глазах, заиграла частичка того живого блеска, который раньше никогда её не покидал.

Но это смерть приподняла её голову и напоила своей

мёртвой водой, позволив девочки попрощаться. Те последние слова, произнесённые дрожащими, пересохшими губами, рвали её отцу душу, но и они же предавали ему сил в пути.

– Папа, я не хочу умирать, ни здесь, ни в этой яме. Пожалуйста, отнеси меня домой…

Утром маленькой Веры не стало.

По установленным правилам, отец Веры должен был отнести тело дочери в помещение крематория или позволить это сделать другим. Но он целых три дня никому не позволял к ней приблизится, и лишь после, сам предал её тело огню, а прах поместил в алюминиевый термос.

Сортир

Андрей и сам не знает почему заглянул в эту кабинку. Быть может, чутьё сталкера велело проверять любые помещения где может скрываться опасность, а может, его привлекла относительно целая дверь, лишь выцветшая, но не тронутая ни взрывами, и мародерами. Они явно были здесь первыми.

– Андрей, ну что у тебя там? – спросил Игорь, ведущей группы. Он только что обследовал всю квартиру. Нечего, такие же развалины, как и во всём подъезде, как и во всём городе.

– Тут туалет! – шёпотом ответил Андрей. Его автомат был не по уставу выпущен из рук, и повисал на ремнях. Андрей знал, нельзя ни на минуту терять бдительность и забывать где ты находишься, пока ты не в убежище. Но сейчас, в эту самую минуту, в его душу, закралось маленькое, безумное желание

Андрей уже почти минуту стоял не сходя с места, и забеспокоившись, Игорь решил подойти сам. Обойдя распахнутую дверь, он с изумлением обнаружил совершенно не повреждённую туалетную комнату. Лишь слой пыли на плитке и кафеле. Но всё было цело, даже лампочка на батарейках, сработала при открывании двери.

– Игорь, – обратился Андрей к своему товарищу. – Мо-

жешь подежурить, я хочу сходить в туалет.

– Ты что, с ума сошёл? Забыл, что нас только двое. Хочешь оставить меня одного?

– Всего одна минута Игорь. Очень тебя прошу.

– Да что ты задумал то вообще? Хочешь посрать по-человечески? Надоели тебе наши цинковые вёдра?

Андрей нечего не ответил.

– Ладно, давай. Только быстро.

Улыбнувшись, Андрей хлопнул товарища по плечу, и вошёл в туалет, прикрыв за собой дверь.

«Вот он, – подумал Андрей, глядя на белый остов унитаза. – памятник ушедших времён» Подняв крышку, он смахнул пыль, и не спуская штанов присел на унитаз.

Дверь изнутри совсем не пострадала. Как и вся кабинка, она словно капсула времени, запечатлевшая те дни, когда ты заходил в туалет из мира полного жизни, а сделав свои дела, возвращался в него обратно. Тогда, пейзаж за окном каждые три месяца менял свой облик. А в квартире кто-то смотрел телевизор, возился на кухне, или хотя бы шумел за стеной сосед.

– Андрей, ты скоро там?

– Да, да. Секунду.

Андрей зажмурил глаза, и постарался представить, что он сейчас дома, возможно даже на каком-то празднике. А его близкий друг Игорь, пришедший в гости, просто нервничает дожидаясь своей очереди в туалет.

От таких мыслей, Андрей даже улыбнулся. Интересно, – подумал он. – А что сегодня за праздник? Что-то прямо из головы вылетело. Наверно я слишком много выпил.

Тут литиевые батарейки дали сбой, и лампочка стала мигать, погружая комнату во враки и возвращая Андрея в реальность. Когда она наконец погасла совсем, Андрей ещё немного посидел в темноте, сам не понимая, чего он ждёт, а потом глубоко вздохнул, и нащупав задвижку открыл дверь.

Игорь стоял напротив, с интересом глядя на товарища.

– Ну что, с облегчением?!

Андрей не ответил. А обернувшись, взглянул на покрытую полумраком туалетную комнату, и полную разрухи квартиру. Окон здесь давно уже не было, как и зелёных деревьев летом, и пушистых сугробов зимой.

– С тобой всё в порядке? – спросил Игорь.

– Да, нормально.

– Дайка угадаю. – сказал Игорь, глядя на печальное лицо товарища, – Думал вернуться в прошлое? На сортире как на машине времени?! – Подколов товарища, Игорь неровно засмеялся, и даже присел на корточки чтобы не упасть.

– Кончай ржать, – обиделся Андрей, – пошли уже.

Сказав это, он вскинул автомат, принял обычную в таких экспедициях позу полного напряжения, и вышел прочь из квартиры.

Но Игорь не поспешил вслед за товарищем, дождавшись, когда тот уйдёт, он поднялся на ноги, и вошёл в туалетную

комнату прикрыв за собой дверь, и включив налобный фонарик.

Спринтер

Усейн Картер, по праву считался великим бегуном всех времён и народов, начав устанавливать рекорды сначала в школе, затем в колледже, а потом и в университете. Ещё тогда, в самом начале спортивной карьеры, остальные ребята завидовали ему – одарённому самой природой, а взрослые приходили на студенческие забеги делая ставки.

И хотя уже это, было действительно невероятным зрелищем, самое удивительное началось после того, как ещё совсем молодой и неопытный Усейн, решил побить мировой рекорд скорости на дистанцию в 100 метров. И как не удивительно, рекорд был побит им уже в двадцать пять лет, на глазах многотысячной публики, заполнившей стадион, и как говорил Усейн, – без особых усилий.

Когда же рекорд был побит, а шумиха поутихла, Усейн почувствовал, что ему в общем-то больше не к чему стремится, он установил новый рекорд и вряд ли в скором времени мог появится человек способный его побить. Но даже если бы это случилось, Усейн был уверен, что способен пробежать ещё быстрее.

Что же тогда было делать мировой знаменитости с такими уникальными способностями? И тогда, Усейн решил побить рекорды скорости на всех, хоть немного известных стадионах. И конечно, постоянные переезды, перелёты и смена

климатических и часовых поясов, давалась ему куда сложнее чем установление нового рекорда скорости.

Пока однажды, он не оказался в маленьком, Норвежском городке в Осло, чтобы добавить в свой список уже пятидесятый, юбилейный стадион и пятидесятый рекорд скорости. И стоит сразу сказать, что рекорд скорости на этом стадионе был не так уж и велик, (по меркам Усейна, конечно) чтобы вызвать хоть какие-то сложности кроме холодного климата. Однако, всё оказалось гораздо сложнее и неожиданнее.

Когда Усейн прибыл в аэропорт Осло, их как обычно встречала делегация их журналистов, спортсменов и простых зевак. Их, это Усейна и его тренера Маркуса Фишера, который по сути был нужен только для большей официальности спортивного турне, чем для пользы дела.

Сделав небольшое интервью, как всегда милый и добродушный Усейн отправился сразу на стадион, где он как правило задерживается всего на несколько часов, чтобы подготовившись и «отстрелившись» отправлялся дальше. Так конечно бывало если не мешала разница во времени, или стадион был не очень значителен, чтобы задерживается для встречи с официальными лицами.

Так было и в этот раз. Поэтому, отправившись сразу на стадион, Усейн, решил, что не задержится здесь дольше чем того требует простейшая вежливость, тем более, что ему не нравился здешний климат.

Стадион по своим характеристикам советовал всем тре-

бованиям олимпийского комитета. И хотя на его территории всё было как положено, даже стандартно, он всё равно был по истине уникальным, потому что располагался посреди небольшого кусочка скалистой суши, соединяясь с остальными островами небольшой перемычкой. Место было и правда удивительным, но Усейн прилетел не для того, чтобы любоваться пейзажами, а поставить очередную галочку в своём списке.

Одиночный забег, и де-факто новый рекорд трассы, был указан на вечернее время, чтобы жители Осло, могли вернуться с работы и собраться на стадионе или перед телевизорами. А пока, Усейн, оставив тренера в окружении журналистов, и одевшись значительно теплее чем местные, даже нацепив привезённые с собой перчатки, отправился на беговую дорожку, чтобы произвести ритуал приветствия и знакомства.

Не смотря на холод, сковывавший на себе всё внимание, Усейн всё же был поражён невероятной красотой, которая открывалась вокруг. Больше нигде в мире он не видел стадиона вокруг которого виднелись заснеженные горы и царил невероятный покой и тишина. Он был уверен, что побить местный рекорд будет не только легко, но и приятно.

Подойдя к стартовой линии, и оглядевшись вокруг, на совершенно пустые кресла болельщиков, Усейн чувствовал, будто находился на сеансе медитации. Решив, что такое состояние даже к лучшему, он снял перчатки, и как обычно,

присев на корточки положил ладони на холодный грунт стартовой линии.

Так Усейн поступал с тех пор, как побил главный, мировой рекорд скорости, вначале казавшейся заоблачным даже ему. Но он дал слово, и вокруг собралось так много людей, что всё превратилось из личной прихоти, в вызов данный всему спортивному миру. Все камеры были направлены только на него – единственного бегуна занявшего среднею линию. Он не мог опозорится, только не сейчас. Тогда, он сам не очень понимая почему, опустился на колени перед стартом и расправил ладони на шершавой поверхности беговой дорожки.

В тот момент, он осознал, что между ними существует связь: он спринтер, а она беговая дорожка, созданная для того чтобы по не бежать и бежать как можно быстрее. Не сказать, чтобы он молился, но то что происходило в тот момент, было чем-то очень личным. Чувствуя на себе гнёт камер и тысяч, даже миллионов глаз со всего мира, он понимал, что быть может, это единственное что он может, что это то, для чего он создан, если человек может быть создан для того, чтобы быть самым быстрым. Что он понимал точно, а вернее чувствовал, что в этот момент, есть только он и этот трек. И когда он так подумал, когда он осознавал всё это не только умом, но всем своим телом, он почувствовал, как стадион будто заряжает его через пальцы, наполняя тело энергией какую он прежде никогда не испытывал. Тогда, наполнив лёг-

кие глубоким вдохом, и сложив пальцы в кулак, чтобы удержать в себе энергию, Усейн кивнул рефери о своей готовности, и заняв позицию, чувствовал, как приходится сдерживается, чтобы не сорваться с места раньше сигнала, жажда расправить накопившеюся энергию.

Тот забег оказался молниеносным во всех смыслах. Едва пересекши линию финиша, мир уже осознал, быть может куда медленнее чем бежал Усейн, что только что, на их глазах произошло нечто невероятное. Рекорд скорости был побит с таким заделом на будущее, что однозначно стал той меркой уникальности, быть рядом с которой даже вторым, уже почётно.

И хотя больше ни на одном из стадионов Усейн не почувствовал той колоссальной энергии что испытал впервые, он продолжил свой маленький ритуал приветствия, впервые оказываясь на новом стадионе.

Но оказавшись на стадионе в Норвегии, и пропитавшись окружающим покоем, Усейн хотя в начале ничего и не почувствовал, коснувшись дорожки, начал серьёзно беспокоится, когда это продолжалось минуту, потом другую, в итоге поняв, что он не только не получил хоть какую-то энергию, но потерял часть своей собственной. И впервые, оторвав ладони от дорожки, ему не хотелось сжать пальцы в кулак. Ведь удерживать было не чего.

Поднявшись, Усейн огляделся вокруг с опасением. Теперь его окружала ни тишина и покой, а холодность и без-

различие. Он не понимал в чём дело. Да, этот стадион находится гораздо севернее тех где он когда-либо бывал, и здесь не слышно и не чувствуется энергетики города, которая наверняка тоже оказывает своё действие. Но ведь он и раньше не обращал на это внимание. Для него был важен только он, стадион, и этот момент перед стартом. Здесь всё это есть. Но почему же так не хватает сил даже для лёгкой пробежки.

Не понимая, что делать, ведь забег должен состояться всего через четыре часа, Усейн почувствовал, что совершенно промёрз, и не оглядываясь отправился в свой номер.

Погружённый в свои мысли, Усейн сидел в кресле, возле электрической печки, когда постучав, но не дождавшись ответа, в комнату вошёл тренер, держа в руках лист бумаги.

– Ты представляешь… – начал тренер, встав рядом с Усеёном, но не замечая его подавленное настроение. – Мне тут одна журналистка рассказала, что этот забег может оказаться не таким уж и простым как нам казалось.

При этих словах, Усейн будто очнулся ото сна и обратил всё внимание на тренера.

– Она рассказала, что их совсем новый, и во всех смыслах прекраснейший стадион, я кстати с ней согласен, место действительно сюрреалистичное, так вот, оказывается, что

их стадион уже запятнан кровью. Я имею в виду, что на нём однажды умер спортсмен. Сердечный приступ сразил бегуна сразу после того как тот пересёк финишную линию, прибежав не только первым, но и установив новый рекорд стадиона. Парню было всего девятнадцать. Он был из местных. Журналистка сказала, что скоро на стадионе установят памятную табличку с именем того парня и его рекордом скорости. Который с тех пор так и не был побит, хотя, как ты знаешь, скорость там не такая уж и большая. Тем более для тебя.

Трудно сказать, говорил ли тренер что-то ещё. По крайней мере Усейн этого не помнит. Взяв из рук тренера листок, оказавшийся распечаткой с краткой биографией того самого бегуна что умер на стадионе и чей рекорд Усейн собирался побить, оставив далеко позади, сделав незначительным. Он подумал, хотя и не верил во всякую мистику, что быть может всё дело в этом. Быть может, стадион не хочет, чтобы какой-то выскочка втаптывал своими кроссовками память о молодом парне, который рос где-то здесь, среди этих гор, и который буквально отдал свою жизнь за то, что любил, не останавливаясь до последней секунды.

До начала забега оставалось всего тридцать минут, когда полупустой стадион, рассчитанный не только на местных, но и на болельщиков, следил за Усейном из разрозненно заполненных мест, и с едва ли больше чем десятком камер. Никто не ожидал ничего особенного: вот спринтер, вот рефери, вот

через полчаса прозвучит выстрел и всё кончится едва начавшись. И потому, быть может только тренер, стоявший под козырьком и съёжившись в зимней куртке и шапке, замечал, что с Усейном что-то не так.

Сложив руки на поясе, он ходил из стороны в сторону возле стартовой линии. И хотя в этот раз он был одет лишь в термобельё, которое будет скинуто непосредственно перед стартом, казалось, что он совершенно не испытывает холода. То, что постороннему наблюдателю могло показаться обычным напряжением спортсмена перед стартом, на деле было внутренней борьбой. И не понятно, с внутренними или реальными, но борьба эта велась с призраками. Усейн понимал, что ему наверняка достаточно всего лишь немного поднапрячься и если не с первой, то со второй или третьей попытки, он всё же побьёт рекорд, даже без помощи стадиона. Но всё было куда сложнее.

Подойдя к Усейну, чтобы забрать термобельё, тренер спросил: – Всё ли нормально? И получив холодный как Норвегия, но утвердительный ответ, вернулся под козырёк, видя, что ничего тут не нормально, хотя и не понимая почему.

Последним, что осталось на Усейне из тёплой одежды, были перчатки, которые он собирался снять в последний момент, потому что у него всегда быстро замерзали пальцы. Когда же были скинуты и они, Усейн склонился в привычной позе перед стартовой линией, упёршись ступнями в колодки и касаясь дорожки только кончиками пальцев.

Начиная с того самого стадиона, на котором Усейн поставил мировой рекорд скорости, он никогда прежде не разговаривал с беговой дорожкой, не потому что это казалось глупо, а просто не нужно. Ведь их связь была так естественна, что не требовала слов. Так растения, не сговариваясь с солнцем заряжаются его энергией, потому что так оно и должно быть. Но в этот раз Усейн понимал, что без разговора не обойтись.

Приняв стартовую позу, ещё за пару минут до старта, он так и остановился на том, чтобы касаться дорожки только кончиками пальцев, как осторожно, и тактично касаются тех, кто от чего-то на нас обиделся.

И это был верный шаг. В этот раз он не испытал упадка сил, хотя и прилива энергии тоже не было, он всё же чувствовал, как между дорожкой и подушечками пальцев пульсирует тонкий слой энергии.

С боку от Дорожки, рядом с рефери был установлен секундомер, по которому будет дан старт и который будет остановлен с пересечением черты. Над его большим, отсчитывающим последние секунды циферблате, было выставлено небольшое по размеру, трёхзначное число с указанием предыдущего рекорда, который Усейну следовало побить. Взглянув на секундомер, и поняв, что времени почти не осталось, он закрыл глаза, глубоко выдохнул и постаравшись вновь погрузится в окружающую тишину о чём-то заговорил с беговой дорожкой или быть может с духом самого рекордсмена.

Усейн так и простоял с закрытыми глазами погружённый в себя, когда секундомер был сброшен до нуля и рефери дал старт, отразившейся о полупустые трибуны долгим эхом. Когда всё было кончено и Усейн молча направился в номер, чтобы переодеться и готовится к отъезду, он и не догадывался о том, что в этот момент творилась на стадионе и как толпа журналистов рвалась к дверям его номера.

И дело было не только в том, что Усейн даже не взглянул на показания секундомера, и даже не собирался делать повторный забег, а от того, что скорость его первого и единственного забега оказалась абсолютно ровна той, какую в своё время установил молодой Норвежец. И это цифры с его рекордом вновь отобразились на основном табло секундомера, что было воспринято местными как самое настоящее чудо.

Памятная табличка уже была готова, и её должны были установить возле беговой дорожки со дня на день. Медная табличка, с портретом спринтера и его рекордом, не побитом, но в точности подтверждённым.

В лифте

Честно говоря, я даже не сразу понял, что рядом со мной, в неосвещённом коридоре, у дверей лифта, стоит кто-то ещё. Хотя, всё же почувствовал присутствие незнакомца, одетого во всё черное.

Но я взрослый парень, и довольно крепкого телосложения, потому не стал всматриваться в темноту, а спокойно дожидался, когда спуститься лифт. Однако, то что произошло в следующую секунду, едва открылись двери лифта, было совершенной неожиданностью.

Успев сделать всего шаг в кабину лифта, меня буквально затолкали внутрь, и прижали к стенке. Всего в две три секунды, уложилось и удар затылком о покрытый плексигласом рекламный щит, и скрежет закрывающихся дверей, и прижатые к моим губам чьи-то губы.

Вытаращив глаза, я попытался, сориентируется, но взор заслонило в упор прижатое лицо незнакомки. Без спроса и промедлений, она впилась в мои губы, окружив таким бархатным ароматом волос, покрывших моё лицо, что мне стало тяжело дышать.

Где-то, фоном слышался звук поднимающегося лифта, а по моей груди уже заползали её тонкие, проворные пальчики, оставляя лёгкие царапины длинными ноготками. Её поцелуи не прекращались и не ждали ответов. Она полностью

владела ситуацией, и мной.

Не помню, сколько это продлилось, должно быть совсем не долго. Когда за её спиной раздался лязг открывающихся дверей, и грубо оттолкнувшись от меня, ещё сильнее прижав к стене, она смахнула с лица прядь тёмно-вишневых волос, лукаво улыбаясь, подмигнула, и умчалась вниз по лестнице.

Ещё с минуту, я стоял в полном оцепенении, прижатый к стенке, и, держась за поручень, не понимая, что только что произошло, и сбивчивого вдыхая, влажными, горящими губами, оставшийся после неё аромат.

Психологи рекомендуют

Голубой Ford Focus вырулил из-за угла дома, и немного проехав вперёд, остановился у высокого, столетнего здания, недавно пережившего реставрацию.

Одна половина его массивных, красных дверей распахнулась, и на улицу выпорхнула светлоглазая Марина: молодая девушка, в летнем платьице, и с таким счастливым лицом, что казалось, она сияет не меньше самого солнца.

Дверца автомобиля щёлкнула, и девушка ловко запрыгнула в салон, с ходу поцеловав в щеку водителя машины-своего мужа Андрея, тридцати восьми летнего инженера-конструктора, который в прочем, сегодня, был просто любящим мужем.

– Я хочу быть как она! – заявила девушка, закинув свою небольшую сумочку на заднее сидение и пристегнувшись ремнём безопасности.

– Кто она? – спросил он, глянув в боковое зеркало, и трогаясь с места.

– Как Анна Сергеевна конечно.

– Твой психолог?! А почему?

– Да ты бы её только видел, – начала девушка, устроившись в кресле как дома. – Она такая спокойная, умная, образованная, всегда знает, чего хочет, и не беспокоится из-за всякой ерунды.

– Значит она профессионал, – подытожил муж, – это хорошо.

– Милый, ты меня не слышал, я хочу быть такой же.

– Ну, для этого тебе придётся поступать в университет и долго, долго учится.

– Оставь свой сарказм. Я не хочу быть психологом, я лишь хочу быть такой же уверенной как она. Всегда знать чего я хочу.

– А ты разве не знаешь, чего хочешь?

– Может и знаю, – печально ответила девушка, – да только не делаю, и даже хуже того, делаю то, чего не хочу.

– Кстати, насчёт, хочу, не хочу, помнишь, я приглашал

тебя в ночной клуб, так вот, это сегодня вечером, ты ведь идёшь?!

– Не знаю, – ответила девушка, засмотревшись в окно, и вновь опечалившись.

– Ну, ты чего? – спросил муж, понизим тон, до заботливого. – Всего пять минут назад была такой весёлой, жизнерадостной.

– Да ведь я тебе об этом и говорила. Что-то с моим настроением не то; туда-сюда скачет, просто невыносимо. А вот Анна Сергеевна, всегда находится в полной гармонии с собой. Она ходит в театр, посещает выставки, картинные галереи, и даже как-то обмолвилась, что и сама иногда любит взяться за краски, и посидеть часик другой у холста, на побережье, или в парке.

– Но ведь и ты пробовала рисовать! – заступился муж.

– Пробовала, но это не моё.

Вскоре, машина свернула с широкой дороги в узкие переулки микрорайона, и остановилась на проковке, возле детской площадке.

– Так что, – переспросил муж. – пойдёшь сегодня в клуб? Я думаю тебе это нужно.

– Вот и опять, всё решают за меня. – меланхолично произнесла девушка. – Но, может ты и прав. Ночной клуб «Орион». Тусня, толкотня, и спёртый запах алкоголя, дезодоранта, и секса, витающего над плотной, обезличенной массой, в центре площадки, с молодёжью, одурманенной музыкой, выбрасывающей вверх руки, и плотно прижимающейся гениталиями.

Посетители постарше, в том числе и наши герои, уютно расположились за столиком в удалении от танцпола, громкой музыки, и бесноватой молодёжи.

За столиком их четверо, включая близких друзей. Обстановка не привычная, но беседа ведётся на вполне обыденные темы, лишь с лёгким налётом пафоса и вседозволенности, чем буквально пропитаны данные заведения.

Андрей бодро общается с товарищем и коллегий, держа пока ещё первый бокал пива, но чувствуя себя уже на все сто грамм водки. Они похлопывают друг друга по плечу, взъерошивают волосы, вспоминают былое, и строят планы на будущее, где уже видят себя совершающими те экстремальные развлечения, о которых мечтали ещё подростками, чокаясь

после каждого, удачного сказанного слова.

Марина сидит напротив своей подруги, не близкой, но хорошо знакомой. У них много общих тем для разговоров, за которыми они могут незаметно провести целый вечер.

Но только не сегодня. Марина чуть отстранена, но старается вести себя как всегда. Да только печали в глазах всё прибавляется, и то хочется выбежать на улицу, к чёрту из этого места, а то выхватить у мужа пиво, и выдув его залпом, добить своих коктейлем. А ещё лучше, потом и закурить.

Но Марина этого не делает, продолжая слушать, но не слышать, болтовню своей подруги, которая в основном любит трепаться о всякой ерунде, которая никогда не была интересна Марине, но она всегда слушала, потому что не знает о чём бы ей хотелось поговорить. Можно конечно поговорить о себе любимой, но, это уже эгоизм.

Её подруга всё продолжает что-то бубнить, от чего Марину чуть не тошнит, и она поворачивает голову в сторону танцпола. И тут, не веря своим глазам, она понимает, что видит среди танцующих Анну Сергеевну, своего психолога.

Вместо строгого костюма, на ней облагающие джинсы, коротенький топ с флуоресцирующим сердечком на груди, а

всегда собранные в тугой хвост волосы, свободно развиваются, и при каждом крутом повороте на месте, бьются о смазливое, но глупое лицо танцующего с ней парня, значительно моложе неё.

Их лица довольны, и одновременно безумны.

Марину бросает в жар, и к удивлению друзей и мужа, она не сказав ни слова направляется к танцующим.

– Анна Сергеевна?! Вы.

– О, приветик, – бодро отвечает психолог, приостановив танец лишь на секунду. – Приятно видеть, что ты выбралась из дома.

– Но, – не понимала девушка, – вы ведь не любите такие места. Почему вы здесь?

– Милая, сейчас не время для консультация, – ответила психолог, продолжая

танцевать.

– А ведь я в вас верила, – почти плакала Марина, – рассказывала какая вы хорошая, какая умница, как я хочу быть

похожей на вас. А вы… Вы здесь!

– Не кипятись милая. Лучше хватай своего мужа, и давайте к нам. "Психологи рекомендуют!"

Божественный ветер

– Спасибо госпожа Торихама, всё было очень вкусно.

– Не за что Мамору. Но куда ты так торопишься? Твои товарищи ещё не поели.

– Простите госпожа Томохара, но мне нужно проверить самолет. А вы парни не торопитесь.

Госпожа Томохару проводила взглядом худенькие плечи молодого лётчика, а когда он вышел за дверь, оглянулась на его товарищей, продолжающих свой неспешный завтрак.

– Не волнуйтесь, – сказал один из ребят. – Он со вчерашнего дня сам не свой. Как в прочем, и все мы.

Покинув закусочную "Томия-сёкудо" Мамору направился обратно, на авиабазу, ожидать приказа к вылету.

Восходящее за его спиной солнце, окрашивало дорогу красным бархатом, и Мамору казалось, что он шагает по колено в крови. Совсем скоро, и его, горячая, полная жизни кровь, сольется воедино с этой рекою.

Его небольшой Mitsubishi Zero стоял на том же месте, где и был оставлен вчера, проведя ночь под звёздами. Но сегодня, он, казалось бы, оставшийся неизменным, как и его пилот, претерпел за это утро, большие перемены. Его боекомплект был снят, а под брюхом, висела 250 килограммовая бомба.

Как и Мамору, его безмолвный Zero стойко терпел неприятную тяжесть внутри, всем своим видом показывая готовность к действию.

Вот на взлётную полосу въезжает автобус, привезший товарищей Мамору. Их лица, ещё час назад казавшиеся такими спокойными, и даже счастливыми, теперь с трудом сдерживают тревогу и отчаяние. В отличии от них, Мамору уже приготовился и мысленно, и духовно, к тому, что произойдёт менее чем через час. Он не тешил себя пустыми надеждами, что сможет как-то себе помочь, если не будет замечать этого дня.

Когда всё уже было готово, и Мамору с товарищами находился за штурвалами своих натужно ревущих Zero, перед его чистым взглядом открывалось лишь небо, и море, тогда как глаза его товарищей, полные слёз, пытались уцепиться за последний,

чёрно белый кусочек прошлой жизни, хранивший тепло любящих рук, и чувство покоя.

Быть может, Мамору и сам вел бы себя подобно товарищам, сдерживая, при внешнем спокойствии, отчаянное желание, сдвинуть назад лампу, и выброситься наземь. И пусть это страшный позор, но ты точно знаешь, что в это самое в мгновение, твои товарищи ели сдерживают свои руки, готовые повторить отчаянный поступок товарища.

Но Мамору в отличие от своих товарищей, вырос в приюте, и никогда не видел ни отца, ни матери, чей образ, быть может, запечатлелся лишь в глубине уже давно ни детских глаз.

Последние метры соприкосновения с землёю, и вот, под брюхом отяжелевших самолётов, одна лишь ровная, и кажущаяся бескрайне, гладь воды. Поворот назад исключён, остаётся только держать штурвал дрожащими руками, и стараться обо всём забыть.

Они ещё видят своих товарищей по бокам от себя, но уже не слышат ни шума мотора, ни биение собственных сердец. И, кажется, что самолёты уже и не самолёты вовсе, а крылатые ангелы, несущие на своих плечах, бессмертные души, пока ещё облачённые в телесные оболочки.

Спустя бесконечность, на горизонте появляется три металлические глыбы. Подлетающие к ним пилоты, замечают возникшую на кораблях панику. Люди на них суетятся, бегают, стараются спасти свои суда, и свои жизни.

И вот, в сторону самолётов обрушивается поток раскалённых звёзд, обжигая воздух, и царапая крылатых ангелов. Один из самолётов начинает быстро снижаться, петлять, и случайно задев крылом воду, разлетается на части.

Мамору решает не рисковать, и резко набирает высоту. Теперь его самолёт становится лёгкой мишенью, но зато, даже если его собьют, ему хватит высоты, чтобы добраться до одного из кораблей, и выполнить своё задание.

Мощный поток сотен жалящих пуль обгрызают крылья, сносят винт, и разбив стекло, разрывают грудь молодого пилота. Ветер срывает с его головы шлем, но прежде чем душа успевает покинуть обмякшее тело Мамору, он последними усилиями наваливается на ручку управление, и обрушивает огненную птицу на борт корабля.

Подруги

Марина, сидела за небольшим, кухонным столом, с не тронутым, остывающим ужином. В дверях, стоял её муж Андрей. Его клетчатая рубашка вываливалась из брюк, на лбу поблёскивал пот, а руки, била крупная дрожь.

Марина не знала, что ей сказать, после услышанного от мужа. Потому, они просто молчали, и смотрели друг на друга.

Всего пару минут назад, Андрей рассказал ей ужасную новость. О том, как сегодня вечером, он убил человека.

Всё случилось так быстро, и так неожиданно, казалось, что этого даже не было. Однако, Андрей точно знал, что совсем недавно, именно после его, казалось бы лёгкого толчка, его старый друг, Вадик, попятился, неровной, пьяной походкой, и упав, разбил голову.

Андрей, и остальные его товарищи, бывшие тогда рядом, тут же вызвали скорую, и попытались как-то помочь. Но, к несчастью, Вадик умер, даже не добравшись до больницы.

Всё происходило в небольшом селе, где как это и положе-

но, всё друг друга хорошо знают. И потому, о смерти товарища, Андрею сообщил лично дежуривший тогда фельдшер скорой помощи, которая и забрала несчастного.

Вернувшись домой, Андрей застал жену, накрывающий на стол. Она была спокойна, и даже напевала какую-то мелодию. Марина знала, что муж вернётся трезвый. Бросив пить, ещё пару лет назад, устроившись на хорошую работу.

Через некоторое время, со двора послышался глухой стук быстро распахнутой калитки, и тяжелые шаги. Но это была не полиция, а Даша, близкая подруга Марины, и вдова Вадика.

Когда Даша оказалась в прихожей, растрёпанная, с головным платком в руке, и тяжело дыша, Марина и Андрей уже сидели рядом, прислонив головы, и о чём-то не громко разговаривая.

Марина поглаживала коротко стриженые, каштановые волосы мужа, и улыбалась. Казалось, что они совершенно не заметили Дашу. И, то ли по этому, то ли по какой другой причине, Даша простояла ещё пару минут, так и не произнеся не слова, а потом не разуваясь вошла в кухню, и села напротив.

Сидя за одним столом со своей лучшей подругой, и убийцей мужа, Даша снова начала вскипать, но лишь подёргивала губами и мяла платок.

Марина, поймавшая взгляд подруги, то и дела утыкавшийся в стол, и что-то на нём четно ища, неспешно приподнялась, и достала из тумбы бутылку водки и пору рюмок.

Бутылка быстро пустела, а лица подруг, наливались краской, и слезами.

И Марина, и Андрей, и Даша с Вадиком, все они давно, и хорошо друг друга знали, подружившись ещё в школе.

В те годы, Андрей, считался самым завидным парнем, из-за своей красоты, и доброго, хоть и горячего нрава. И Марина, и Даша, с первого класса, поклялись не влюбляться в Андрея, но если тот сам полюбит одну из них, то не учинять препятствий.

Всё, правда, обошлось куда мирнее. Прежде, чем Андрей сам проявил интерес к скромной всезнайке Марине, (чего та совершенно не ожидала, и долго не могла поверить) Даша начала встречаться с мальчиком из параллельного класса. Как она тогда признавалась подруге, – он ей совсем не нравится, и она с ним только потому, что уж больно тот на-

стойчив, да и есть шанс, вызвать ревность у Андрея.

Но время шло, любовь наполнила оба сердца, и Даша совсем не почувствовала ни злости ни завести к своей подруге, когда та призналась ей в том, что полюбила Андрея, и что это взаимно.

В скорее, лучшие подруги подружил своих парней, и спустя время, сыграли общую свадьбу.

Потом, у парней была армия, а у девушек, местный техникум, где и те и другие, тоже всегда были вместе. Между прочим, их дружбу объединяла и общая мечта, однажды понабраться сил, денег, и всем вместе, покинуть родные края, и уехать в большой город.

Однако, уход за стареющими родителями, а потом и необходимость самим следить за хозяйством, всё отдаляла ребят от их мечты. Только Андрею, удалось частично воплотить давнее, и общее желание. Благодаря армейскому знакомому, он устроился Дальнобойщиком, и даже несколько раз бывал в Москве.

Андрей предлагал Вадику занять место второго водителя, но тот вечно отказывался. Оказалось, что ему не очень-то и хочется, покидать с детства знакомые дворы, и привыч-

ный уклад жизни. В который, как не печально, в большинстве своём, входят и частое посещение питейных, заведений.

Там и случилось, это страшное несчастье, когда Андрей отмечал своё возвращение домой. О том, что там случилось, говорить особо не чего. Всё, до банального, просто.

А между тем, бутылка уже опустела, остались наполненными лишь пара рюмок, ожидающих, возвращения двух лучших подруг, вышедших, проводить Андрея.

История с дальнего востока

Эту историю, мне рассказал один знакомый, ныне человек уже в возрасте. А в ту пору, когда с ним приключилась эта история, ему было всего девятнадцать лет.

Его зовут Игорь Алексеевич, или просто Игорь. Родился Игорь в небольшом селе, где и прожил до своего совершеннолетия, после чего, получил повестку в армию, и был отправлен на дальний восток.

Их гарнизон располагался недалеко за городом, на широкой, вырубленной поляне, возле бурной реки. Служба проходила спокойно, и даже скучно. Потому служивые частенько захаживали в лес: кто по грибы, кто на охоту, а кто просто подивиться местной природе.

Разрешения отправиться в лес, как правило, не спрашивали, потому как давали его с не охотой. Леса дикие, а места не известные. Но Игорю такие походы прощали. Он смог убедить начальство, что родившись и выросший в деревни, он может уверенно ориентироваться даже в таких диких лесах. Так эта самоуверенность, однажды его чуть и не погубила.

Взяв с собой пару товарищей. и вооружившись охотничьими ружьями, что сменяли у местных, они втроём отправились в лес. Долго блуждая по исхожим тропинкам и не

находя наживы, Игорь предложил отчаявшимся товарищам, пойти дальше, в глубь леса.

Они конечно уже были хорошо знакомы с Игорем, и его уверенностью в здешних лесах, но пойти туда, куда плотно стоящие стволы даже не дают заглянуть, они не решились. И тогда, Игорь отравился один.

Спустя примерно три часа, когда в таких густых лесах уже начало темнеть, Игорь всё-таки признался себе, что заблудился. Еды, что он брал с собой, у него уже не осталось, а пару подстреленных белок, было невозможно приготовить по отсутствию спичек.

Так, блуждая и проклиная себя, Игорь уже начал отчаиваться, при одной только мысли, что всё это время, он мог ещё больше удалиться от гарнизона. И вот, когда вокруг него уже начинала сгущаться тьма, он вдруг невероятно испугался, увидев недалеко от себя, девочку. Был вечер, к тому же осень, но ноги девочки, были босыми. Одета она была в давно выцветший сарафан. На вид ей было не больше восемнадцати, и очень красивая.

Он не знал что сказать, но девушка заговорила первой.

– Что ты здесь делаешь, – строго спросила она. – Тебе нельзя здесь быть. – Игорь было уже начал терять рассудок, а вместе с ним и страх. Двинувшись к девушке неуверенным шагом, Игорь хотел спросить у неё, как же ему уйти отсюда. Но едва он сделал пару шагов, как откуда-то со стороны, появилась старушка. Вся в тряпье и с клюкой, она подошла к девушке и взглянув на неё, обратилась к Игорю:

– За нами следуй, помогу я тебе.

Куда и сколько они шли, Игорь не запомнил, и был совершенно удивлён, когда они вышли на широкую поляну с небольшой, приземистой хижиной. Выбежав вперёд, девушка распахнула перед ними скрипучую калитку, и Игорь ясно почувствовал, каким холодным и колким взглядом, девушка проводила его в дом.

Внутренне убранство, с развешанными вокруг грибами, травами, и кореньями, было куда более чем скромным.

Быстро согревшись перед небольшой печью, Игорь всё ждал, когда они отправятся в путь к выходу из леса. Но бабка совсем не торопилась. Скинув с себя небольшую вязанку и

отдав корзинку девушке, она не говоря не сова, стала срывать подсушенные травы, и складывать их в толкушку.

Девушка тем временем перебирала свежие грибы, раскладывая их по разным кучкам, и иногда поглядывая на Игоря. Девушка была прекраснее всех, кого он когда-либо видел. Но заговорить с ней не решался.

Он так и продолжал стоять, протянув руки к огню, пока бабка не велела Маше, как она назвала девушку, постелить постель. Бросив в ответ удивлённый взгляд, она в прочем не стала перечить. и оставив корзину подошла к одной из кроватей. Их в хижине было всего две, эта, принадлежащая девушке, и ещё одна, бабкина, располагалась на печи.

Мелкая дрожь, снова заколотила Игоря, он не знал что происходит. А межу тем, девушка закончила готовить свою кровать, и выжидающе уставилась на Игоря. Он продолжал стоять, пока сухой, грубоватый голос старушки, не велел ему ложится.

– Да мне бы к себе вернуться, – взмолился Игорь.

– Не выйти тебе из леса, – прогремела бабка, – Больной ты, весь больной.

Игорь не понимал, о чём она говорит. Он всегда был крепкого здоровья и почти не болел. Но она настаивала на своём, и подчинившись, Игорь снял с себя верхнюю одежду, и улёгся.

– Выпей это, – повелела бабка, протягивая деревянную кружку, с густой как кисель, и зелёной жидкостью. На этот раз Игорь перечить не стал, и с трудом, но выпил кислую жижу.

– Теперь спи, а ты Маша, брось пялиться, да займись делом.

Быть может, Игорь чувствовал бы себя, куда смущённее в чужом доме, в чужой кровати, да среди женщин, но усталость и накатывающее от печи тепло, размягчила его нервы и мысли.

Пробыл он у бабки целых три дня. Едва просыпаясь, ему тут же подносили ещё одну порцию зелёного отвара, и как в первый раз, выпив его, он снова засыпал.

В редкие минуты бодрствования, он замечал, что девушка, Маша, всегда сидит где-то рядом, чем-то занятая. А иногда, просыпаясь, Игорь слышал, как Маша тихо мурлычет какую-то мелодию. Тогда, он что есть сил, старался не за-

снуть, но её мягкий, ещё совсем девичий голос, убаюкивал его куда сильнее, чем бабкин отвар.

По истечению трёх дней, бабка перестала поить Игоря, и вскоре, проснувшись, он почувствовал себя на столько, бодро и свежо, что был готов обойти пешком весь дальний восток.

Тогда бабка и сказала Игорю, что ему пора возвращаться. Вспоминая тот последний день, что он с ними виделся, Игорь рассказывал, как ему не хотелось от них уходить. Когда они вышли из хижины и углубились в лес, он спросил бабку, можно ли ему будет вернуться к ним. Но бабка ответила, что это невозможно. Что дороги к ним, он не сможет не рассказать, ни вспомнить.

Так и произошло. Оставив Игоря на знакомой ему тропинке, бабка не сказав ни слова, ушла в глубь леса, и в скорее пропала из виду.

Все в гарнизоне считали Игоря давно погибшим, и были невероятно удивлены той бодростью и жизненной силой, что от него исходила. Товарищи ещё долго расспрашивали его об этой истории, прося подробней описывать внешность Маши.

Игорь был уверен, что не миновать ему сурового нака-

зания. Но к своему удивлению, всё обошлось лишь парой нарядов. Оказалось, что встреченная им старушка, давно и хорошо известна среди местных жителей, и старослужащих. По крайней мере, известна на столько, на сколько это возможно, при её скрытности.

Игорь узнал, что к ней люди обращаются, когда у них нет иных надежд, и остаётся только вера. Потому как отправиться в глушь леса, не зная куда, и не зная встретишь ли ты старушку, для этого нужна глубокая вера.

О девочке Маше, тоже ходило много слухов. Говорят, что ещё ребёнком, она стала круглой сиротой, и жила тогда у местного батюшки. Пока однажды не пропала, отправившись в лес за грибами. Долго её искали, пока один лишь батюшка Сергей не отчаялся. Но успокоилась его душа, только после того, как люди повстречавшие бабку, не стали рассказывать о некой девочке, что всегда вьётся подле бабки. По описанию их рассказов, батюшка Сергей и понял, что та есть некто иная, как его преемница.

Правда нашлось ни мало и тех, кто обвинял батюшку в язычестве. Ибо врачевание говорили они, не христианское дело. Но батюшка некого не слушал, а потом куда-то уехал.

За время службы, Игорь не раз выходил один в лес, зазы-

вая старушку. И бывало, чувствовал, что она где-то рядом. Да только не отзывается. Однако слухи о ней, и её чудесах, всё продолжали и продолжают идти с диких лесов дальнего востока.

Бездушный

Его стали часто называть бессердечным и бездушным. Говорили, что у него нет сердца. А он только молчал, и никого не пытался переубедить. Прошло то время, когда это его злило и даже заставляло рыдать.

– И это, – говорил он, прижимаясь к мокрой от слёз подушке, – и есть человек, которого называют бездушной скотиной. – Но, конечно же, он не мог никому рассказать о своих слезах, и боли, которую ему причиняли их слава. По этому, он просто молчал, и ни с кем, ни спорил.

А всему виной тот вечер, когда он возвращался с работы. Тогда была зима, и на улицах рано темнело.

Пройдя несколько сот метров, он услышал за спиной чьи-то быстрые шаги и сбивчивое дыхание. Это была их новая сотрудница, – ещё совсем молодая девочка.

– Извините, – послышался робкий, девичий голос.

Он обернулся, и взглянул на неё своими очень добрыми, но печальными глазами. Может потому и не испугалась она последовать за малознакомым мужчиной.

Здравствуйте, говорит, и мило улыбается. Мы говорит, работаем вместе. Хотя возможно, что вы меня не замечали. Можно говорит, я с вами пойду. Нам ведь с вами в одну сторону, я знаю. Я ведь вчера тоже за вами шла, да вот только, не решилась подойти.

– Конечно, – отвечает он. И больше не сказал ни слова.

И они зашагали вместе, оставляя за собой две пары рядом стоящих следов. Шли молча. Он не о чём ни думал и только смотрел вперёд, в темноту. И она тоже шла молча, радуясь что он не спешит, и ей не приходиться торопливо семенить за ним, рискуя поскользнуться.

Над их головами светили лампы фонарных столбов, покрывая снег приятной теплотой, и подкрашивая медленно падающие снежинки.

Проходя под уличными фонарями, девушка каждый раз вскидывала вверх голову и улыбалась, глядя на падающие снежинки, мягко ложащиеся на её огненно-ражие волосы.

Вдруг, ойкнув, девушка оступилась, и повисла на руке своего молчаливого спутника. Даже испугаться не успела, подумала девушка, глядя на его уверенные руки и на печаль-

ные глаза. Спасибо, сказала девушка, и хотела было отряхнуть колени, но её чёрные, тёплые колготки даже не запачкались.

Он ответил, пожалуйста, и ни спросив разрешения, взял её под руку.

Она больше не поднимала глаза на свет фонарей, и не прищуривалась от попадающего в них снега. Опустив взгляд, она шагала спокойным, ровным шагом, зная, что теперь, ей не дадут упасть, даже если впереди окажется преграда из замёрзшей лужи.

Она вспоминала два последних дня, которые успела отработать на новом месте, и совсем рядом с этим человеком, с которым так хотела познакомится и заговорить. И не смотря на свою робость, она бы это сделала. Да, вот только, другие сотрудники, молодые, симпатичные ребята, заметив её интерес, они стали отговаривать её, говорили, что она совершит ошибку, что он молчун, а от таких, ни жди нечего хорошего.

И она молчала.

Молчала даже в этот вечер, всю дорогу пока они шли вместе. Но после того, как его твёрдая, уверенная рука подхватила её, позволив избежать неловкого падения, и увидев его

печальные глаза, она больше не могла молчать, и мысленно корила себя за то, что послушалась чужих советов.

Но едва она открыла рот, как услышала душераздирающий звук. Где-то мяукнул котёнок. Судя по всему, ещё совсем маленький. Девушка остановилась, и чуть не упала, потому что её спутник и не подумал остановиться.

– Что случилось? Вам поворачивать? – с грустью в голосе спросил он. – Нет, – ответила она, и прислушалась. – Здесь где-то плачет котёнок. – Чуть не рыдая, сказала девушка. – Он прислушался, и вскоре тоже услышал мяуканье. – Нам надо идти, – сказал он. – Нет, нет. – Запротестовала девушка. – Ведь там котёнок, ему холодно. Нам надо найти его.

Девушка всё пыталась подтолкнуть его, и повести на жалобный голос. Но его твёрдая, уверенная осанка, не поколебалась.

– Да помогите же мне, – вскрикнула девушка, отстранившись от него.

– Мне надо идти, – ответил он, и побрёл дальше.

– Как вы можете, – разозлилась девушка. – Это ведь котёнок.

– В мире много котят, – сказал он не оборачиваясь. – Всем не поможешь.

– Но ведь он не все, – крикнула девушка. Но он нечего не ответил, лишь слегка обернулся, когда услышал её поспешные, неуверенные шаги, и увидел, как она шагнула с тропинки и её хрупкую фигуру поглотила темнота.

– Извини, я не могу этого сделать – говорил он мысленно, но не девушке, а котёнку. – Если я тебе помогу, то буду вынужден нести за тебя ответственность, решать что с тобой делать.

Хорошо, что я не пошёл за ней. Не видел его, не ощутил покрывший его холод, не видел жалобных глаз, от которых ещё долго не мог бы избавиться. Нет, у меня ушло слишком много времени и сил, чтобы укрепить своё чересчур хрупкое сердце.

Он продолжал мягко ступать, глядя в темноту, и жалея о том, что вокруг слишком тихо, и что нечему скрыть стоящее в его ушах, жалобное мяуканье котёнка.

Дом надежды.

– Посмотри, – сказал Андрейка, указывая куда-то в темноту. – Ты видишь? Там что-то светит. – Но Вова не видел,

он слишком устал и замёрз. – Пойдём, – сказал Андрейка и взял Вовку за руку.

Уставший Вова уже не чувствовал под собой ног, и шёл лишь благодаря твёрдой руке Андрейки. А тот, боялся сомкнуть глаза хоть на мгновение, рискуя заснуть прямо на ходу, или упустив слабый огонёк, повернуть не в ту сторону, и снова уйти в глубь леса.

Сгустившийся темнота и жуткая усталость, делали происходящее похожим на кошмарный сон, если бы не страшный холод и жажда.

– Смотри, смотри, – закричал что есть сил Андрейка. – Это же дом. – Но ставленый без движения Вовка, уже спал тяжёлым сном, свернувшись калачиком на влажной земле.

Он уже не видел как Андрейка бежит к небольшой, угловатой избушке, как на его крики открывается скрипучая дверь, и на пороге появляется грузная, окаймлённая светом фигура, с чем то длинным в руках.

Очнувшись, Вовка обнаружил себя обнажённым, лежащим на широкой кровати, и по шею укрытым мохнатым одеялом, а рядом, спиной к нему, стоял мужчина, и торопливо стаскивал с его брата мокрую и грязную одежду.

Страх за себя и брата снова закрался в маленькое сердце Вовки, и собрав все силы, он как мог твёрдо спросил:

– Дяденька, кто вы? Что вы с нами сделаете?

Мужчина обернулся, посмотрел на Вовку, но нечего не сказав продолжил помогать Андрейки снимать мокрые носки.

– Не волнуйся Вовка. Он хороший, – сказал Андрейка, улыбаясь посиневшими губами. Вова почему то сразу ему поверил, и успокоившись заснул.

Когда он проснулся, то ещё не открыв глаза, услышал как где-то неподалёку просыпается, наполняясь жизнью лес, а совсем рядом, потрескивают влажные дрова.

– Проснулся? – услышал он голос Андрейки, и почувствовал как на лоб легла его ладонь. Послышался одобрительный смешок. – Ты смотри-ка, и ты не заболел. Крепкие мы с тобой парни, целый день протоптать по лесу, попасть под дождь и не заболеть. Хотя конечно… – чуть понизил голос Андрейка. – Если бы не дядя Веня, не выбраться нам с тобой из леса.

– А где он? – спросил Вовка оглядевшись вокруг. Уже давно согревшийся и обсохший, он всё не решался снять с себя тёплое одеяло, боясь, возвращения того страшного холода.

– О нас сообщить отправился. – сказал Андрейка. – Садись, поешь. Это он нам оставил. И вот твоя одежда. Совсем сухая. Держи.

Присев за небольшой, деревянный стол, Вовка утолил жажду парой глотков тёплого молока, и откусив хлеба, огляделся вокруг.

– А что он здесь делает, этот дядя Веня? Охотник?

– И охотник тоже, – пояснил Андрейка, вгрызаясь в жареный кусок кабаньего мяса. – А ещё рыбак. Живёт он в общем тут.

– А ты всё это откуда знаешь?

– Ну так, это ты сразу отрубился. А я ещё успел пообщаться с ним. Поблагодарить за нас обоих. Хороший он мужик, только одинокий, у него вон, кроме кошки Дуси и нету никого, даже собаки, говорит в дом её не запустишь, кошку ведь гонять будет, а на улице дожди часто, да зимой холод лютый. Ты ешь, ешь.

– А далеко мы от дома забрели?

– Очень далеко. Дядя Веня говорит, что не поверил сначала, увидев меня бегущего из леса, – Андрей чуть посмеялся. – Говорит, что решил сначала будто спятил от затворничества. Ему ведь и самому, чтобы до людей добраться, приходиться час на лодки плыть. Скоро значит уже вернуться должен.

М-да, подумал Вовка. Такой небольшой домик, легко ведь могли мимо пройти. А если бы Андрейка свет огня не увидел. Да и что там, если бы не этот человек, решивший оправиться жить в глубь леса, не дожить бы тогда до утра.

Экзамен

Войдя в аудиторию, я поздоровался с ребятами, но ответная реакция была вялой, или отсутствовала вовсе. Люди готовились к экзамену.

Некоторые из ребят, как и я, рассчитывали на обещания преподавателя: Дмитрия Николаевича, поставить всем зачёты автоматом. Хотя бы на оценку удовлетворительно. Но как оказалось, не все верили, что он сдержит, или просто-напросто не забудет своего обещания. И поэтому усердно потели над подготовкой.

Наш профессор, Дмитрий Николаевич, был нам уже хорошо знаком. И хотя мы были только на первом курсе и к тому же заочниками. Мы ещё на первой сессии заметили странное поведение нашего преподавателя. Он был уже в годах, лет шестьдесят, шестьдесят пять. А может и старше. И быть может по этой причине, был очень забывчив. Часто начиная новую пару, с того же материала, что мы уже прошли.

А может, это было из-за того, что он часто уходил в воспоминания. В те годы, когда он был ещё совсем молод, но уже имел студентов, и готовился к принятию кафедры. Он рассказывал, что мир тогда казался ему таким же сложным и не

понятным, как и нам сейчас. Но он чувствовал в себе силы, и был готов достойно преодолеть все трудности. И как любой, молодой, здоровый парень и к тому же преподаватель, он не забывал развлечься: пофлиртовать, и даже немного выпить с хвостатыми студентами.

В минуты таких воспоминаний, на его полноватом, но добродушном лице, всегда появлялась улыбка, а взгляд устремлялся куда-то, сквозь оштукатуренный потолок. К сожалению, эту улыбку всегда сменяла гримаса разочарование. И тогда, потрясая своим вторым подбородком, он говорил нам, как не справедливо, тяжело и позорно, живётся сегодня профессорам, и как низко их ценят.

А ведь не смотря на забывчивость и частые уходы в грёзы, он и правда был очень образован, умён, и владел больным жизненным и профессиональным опытом. И если и вспоминал, какие-то события давно минувшие дней (что совсем не редкость у пожилых людей) то его воспоминания были больше похожи на здравый анализ знающего человека, чем на брюзжания разочарованного старика.

Но к сожалению для нас, в его отрывистых лекциях, было очень мало того материала, который мы должны были усвоить. И как мне думается, именно поэтому, ведь как я уже сказал, человек он далеко не глупый, он пообещал поставить

всем нам зачёт автоматом. Правда не больше четвёрки, и то лишь при желании купить у него одну или две, хороших, не дорогих книжечек.

Разложив на парте свои тетради, в которых было расписано не больше половины, хотя это был уже второй семестр. Я бросил попытки выудить, что-то из пустот своих знаний. И возложив все надежды на память и честное слово профессора, стал просто глазеть по сторонам, и на своих одногруппников.

До начала экзамена, оставалось ещё минут сорок, и профессора ещё не было. Но из десяти студентов, по-настоящему готовились лишь двое. Остальные, как и я, или смотрели по сторонам или в свои телефоны.

По правде говоря, мой взгляд блуждал по одной простой причине; девчонка, которая мне очень нравилась, ещё не пришла. Вот она придёт, и мой взгляд тут же найдёт свой покой, на её спине, плечах и тёмных, коротких волосах. Спине, потому что взглянуть ей в лицо, я так и не решился.

Профессор вошел к нам, за десять минут до начала. Как всегда опрятный, в галстуке, но на этот раз без пиджака. День был жаркий. Попреветсвовав нас, и заметив что ещё не все собрались, он глядя на наши сосредоточенные лица, по-

хвалил наши старания, и пообещав скоро вернутся, вышел в коридор.

– Пипец. Опять небось за чаем попёрся. – сказала Ольга. – Как думаете, он помнит про своё обещание?

Все промолчали. И только Алина, не отрываясь от своей тетради, тихонько хмыкнула. Она отличница, и не привыкла полагаться на авось или обещания.

– Ну мы чего, идём бухать сегодня? – обратилась к нам Ксения.

– Надо Сергея подождать. Но думаю да. – ответила Женя.

Тут вскоре появился и сам Сергей, наш староста. И в его сторону тут же посыпались всё те же вопросы и жалобы. На один из которых он ответил – Откуда я знаю. А на второй – Конечно идём.

Наш староста, и большая часть группы, довольно легко и быстро сдружились, ещё в первые дни установочной сессии. Я думаю это из-за того, что они живут в одном городе, а я приезжий. И к тому же, излишни скромный. И по этому, сейчас, как и почти всегда, оставался в стороне от их дискуссий, поглядывая на дверь, в ожидании Наташи, или хотя бы

профессора.

К счастью для нас, профессор не забыл своего обещания, хоть и пожурил нас своей мальчишеской ухмылкой.

– Ну что, хотите автомат?! – спросил он нас. – И что же, вас вполне устраивает, что знаний у вас ноль?

– Я конечно знаю, что в этом есть и моя вина. Но меня неприятно удивляет, то как много из вас, готовы проехать на тройке. Сколько кстати из вас, готовы со спокойной душой, поднести мне на роспись свою зачётку. Поднимите руки?

Мы переглянулись. И тут мне показалось, что кисти рук, даже у самых отчаянных лодырей, в этот момент буквально приросли к своим партам. Уверено поднялась, лишь рука Наташи. Она только что вошла в класс. Но успела услышать вопрос профессора, и не имела нечего против такого предложения. К счастью, профессор её жеста не заметил. Или сделал вид, что не заметил. А за тем, вызвав старосту и выдав ему для прочтения книгу. Предупредил, что мы будем отвечать по ней, и снова ушёл.

О чём там читал Сергей, я уже не слушал. Думая лишь о том, как же мне пересесть за другую парту. Потому что Наташа, почему-то решила сесть прямо за моей спиной. Прав-

да и в этом, я постарался найти свою прелесть; воображая, что она села туда как раз из-за мня. И сейчас созерцает мою спину и гадает, – а уловил ли я намёк.

Возвращения профессора я не заметил, а только услышал его хрипловатый голос. А потом началось такое, чего я никогда от себя не ожидал. Быть может всему виной хмель, вчерашней пьянки. Устроенной по поводу возвращения домой, моего соседа по общяге. Отличного к сати парня. А может, меня обожгло Наташином взглядом. Да только я вдруг выпрямился. И уверенным тоном, обратился к профессору, с невероятным предложением:

– Дмитрий Николаевич. А позвольте сделать вам некоторое предложение. Я бы даже сказал, обмен?! – уточнил я, и замер в длинной паузе.

– Это вы о чём. Э… Николай?! – спросил профессор.

– Вы только не удивляйтесь. – постарался я подготовить профессора. – Но я хочу предложить вам обмен. Всем зачёт автоматом, и на отлично. Взамен на молодильное яблоко!

Профессор посмотрел на меня. Потом на моих одногруппников. И увидев в их глазах, зеркальное отражения собственного удивления, снова посмотрел на меня, но с

уже иным, изучающим взглядом. Который, в прочем меня несколько не обескуражил.

– Каким ещё яблоком? – уточнил профессор.

– Молодильным.– повторил я. – Причём самым настоящих.

– Не понял? – скривил гримасу профессор. – Типо как в сказках что ли?

– Да, – подтвердил я. – Вот только моё яблоко не сказка, а вполне реальность. И вы можете, в этом убедится. Вот оно.

И тут я достаю из своей заплечной сумки, крупное, красное яблоко, и кладу его на парту перед собой.

– Ты что, издеваешься, – посерьезнев, спросил профессор. – Или это у тебя шутки такие глупые? Ты у нас кто? – спросил он меня, но за ответом обратился в журнал.

– Ага. Смирнов. Почему пропускаешь?

Я сделал вид, что не слышал, и продолжил давить своё:

– Дмитрий Николаевич. Все мы знаем, как вы любили

свою юность. Скажите, много ли вы теряете, приняв моё предложения?

– Я то? Я нечего не теряю. А вот вы молодой человек, похоже, теряете рассудок!

Тут я не выдерживаю, и схватив яблоко, направляюсь к его столу.

– Вот, – говорю я, поставив перед ним яблоко. – Вам нужно только согласиться и оно ваше. Вернётесь в свои тридцать лет, и начнёте новую жизнь.

Наш профессор, всегда рад увидеть что студен, проявляет живой интерес к его предмету, и старается отвечать на вопросы своими, собственными словами. Не боится вступить в дискуссию, и даже в спор. А ещё не стеснялся общаться со студентами, как с ровней. И быть может, благодаря всё тем же частым мечтам и воспоминаниям, в нём ещё жив тот озорной, простой парень, который и сам провел с десяток лет своей жизни, в чине студента.

– Значит яблоко, – повторил он, смягчившись, – на зачёты для всей группы?!

– "Молодильное" яблоко, – уточнил я. – На "отличные"

зачёты для всей группы.

Профессор хмыкнул, и перевёл взгляд, на уже давно не проронивших ни слова студентов.

– Ну как. Что скажите? – обратился он к ним. – Как вам такое?

Я не оборачивался, и не знал, что там было, но никто так и не произнес, ни слова.

– Значит молодильное яблоко, на пятёрки? – повторил профессор. – А откуда мне знать, что это яблоко молодильное?!

– Вы можете, тут же убедится в этом. Стоит только выполнить свою часть!

Он снова хмыкнул, и потёр гладко выбритый подбородок.

– Ну что же… Я согласен.

Сказать что в эту секунду, по классу пронеслось невероятно громкое, по своей тишине удивление, означало бы нечего не сказать.

– Так что. Ребята могут нести свои зачётки? – переспросил я профессора.

– Ну я же сказал, – с лёгкой обидой в голосе, ответил профессор. – Вот только учтите, – помотал он указательным пальце. – Поставив отлично, я буду и спрашивать с каждого на отлично!

Парты, наверное так бы и были наполнены одной лишь тишиной, если бы профессор не потребовал ребят поторопится.

Тогда за первым: медленным и не уверенным, потянулся второй, затем третий. И уже через несколько минут, людской поток, возвращался на свои места, с выпученными глазами и распахнутыми зачётками. А я продолжал стоять рядом с профессором, как бы его контролируя.

– Теперь всё? – спросил меня профессор, вернув последнюю зачётку.

– Боюсь что нет. – ответил я. И по классу пронеслось новое, обдувшее холодом удивление. – Ещё нужно заполнить ведомость! – напомнил я профессору. – Вдруг, уже едва надкусив яблоко, вы вернётесь в те годы, когда вам всё это было по барабану, и умчитесь вон из класса, наслаждаться, вновь

обретённой молодостью?!

Профессор снова хмыкнул, но все же взялся за ручку, и подтянул к себе ведомость.

Прошло ещё пару минут.

– Теперь я думаю всё?! – спросил он, заполнив подледную графу.

– Да, – подтвердил я. – Теперь всё. Яблоко ваше, – сказал я, и взяв свою зачётку, вернулся за свою парту.

Шли минуты. Кто-то не уверенно шуршал, собирая свои вещи. Кто-то робко тянулся к выходу. А кто-то, так и прирос к своему месту, видно уверенный, что накануне перетрудившись, случайно уснул на экзамене. И теперь ждёт пробуждения.

– Ну и чего вы ждёте? – вдруг прогремел голос профессора. – Вам нужно что то ещё? Может быть, мне станцевать или пожонглировать? Можете быть свободны!

Класс в секунду наполнился нарастающим шумом. Но так и не нарушился не единым словом. И только выйдя в коридор и прикрыв за собой дверь, все смогли выдохнуть.

– Это что вообще такое было? – задал мне Сергей, возникший у всех вопрос.

– Да не знаю. – улыбнулся я. – Само как то вышло.

– Ну ты даёшь. – тоже улыбнувшись сказал Сергей. – А всегда был таким тихим!

А я молчал, и расплывался в охватившей меня неге.

Тут Ксения, шепотом, но с таким видом что кричит, напомнила всем, что пара бухать.

Сергей положил мне на плечо руку, чего некогда раньше не делал. И почти потребовал, что бы в этот раз, я обязательно отметил окончание сессии вместе со всеми. Тем более, привнеся, такой невероятный вклад, в это дело.

Я польщённый его словами, и одобрительными взглядами остальных, пообещал, обязательно к ним присоединится. Но только после того, как заберу свои вещи из общежития.

С меня ещё раз взяли обещание не опаздывать и обязательно прийти. После чего, мы единым потоком, двинулись вниз по лестнице. Но тут меня окликнул тихий, робкий, го-

лос. И от руки, по всему телу, пробежала приятная дрожь, от мягкого, и острожного прикосновение.

– Коль. Зачем ты это сделал? – спросила меня Наташа. – Ты не думаешь, что ты переборщил?!

Я молчал. Наслаждаясь видом её глаз, в первые, смотрящих прямо на меня. И слушал её голос.

А Наташа продолжала:

– По-моему ты сделал большую глупость. И я говорю даже не о том, что ты подсунул ему своё яблоко. И не о том, что ты прибавил для многих из нас, кучу новых сложностей. А о том, что нельзя так поступать с людьми!

– Наташа, да я просто шутил. – оправдывался я, перед самым прекрасным судьёй. – Да он знает, что это шутка. Как иначе. Он просто подыграл мне. Да я уверен, что всё нормально. Сидит сейчас наверное, и грызёт своё яблоко.

И тут мы услышали, как из класса, доносится тот самый, характерный звук яблочного хруста.

– Ну вот, – успокоился я, и стал успокаивать Наташу. – Слышишь. Грызёт себе.

– Путь так, – не унималась Наташка. – Но ты всё равно должен зайти и извинится.

Тут в моей голове молниеносно сложилась картинка из двух сюжетов. В одном из них, я отказываю Наташе в её просьбе, и она, молча, уходит. Что будет означать, что в дальнейшем, я могу даже и не рассчитывать на её симпатию. А второй сюжет лёгкий, красочный. Наполненный ароматом её волос и нежностью прикосновения.

Сделав свой выбор, я подошёл к двери, и осторожно постучав костяшкой указательного пальца, заглянул в класс.

Когда войдя, я увидел профессора, во мне что-то надорвалось. Он так и сидел за своим столом. Но его всего пять минут назад, безупречно чистая рубашка, была заляпана. А с перепачканного лица, на галстук стекал яблочный сок.

Я едва успел заметить лежащий перед ним огрызок. Когда увидев меня, профессор взорвался:

– А ну пошёл вон! – взревел он, указав мне пальцем на дверь, и брызнув кусочками, плохо пережеванного яблока.

Снайпер

Патрон вставлен в патронник. Предохранитель снят. Оптика настроена.

В углу, с права, на девятом этаже, шестнадцатиэтажного дома, за окном с глухо зашторенными, красными занавесками, плотно прильнув к винтовки, прижав правый глаз к оптики и зажмурив левый, в деревянном кресле сидит мужчина. Ему на вид лет тридцать, тридцать пять. Его застывшее лицо выглядит ухоженно. На коротко стриженные, светлые волосы, сдвинуты солнцезащитные очки. На нём добротное, осеннее пальто коричневого цвета, серые джинсы и коричневые лакированные туфли.

Это небольшое скромное по своему убранству помещение его точка. Хотя будь его воля, он бы вполне уютно устроился и на крыше. Однако этот случай вынудил его заняться хлопотной волокитой, которую он так не любил. Из-за нужной позиции, ему пришлось искать подходящий дом, подходящею квартиру и подходящие окно. После чего пытаться заполучить её под разными предлогами.

В этот раз хозяйкой нужной квартиры оказалась пожилая женщина. Которую удалось уговорить покинуть своё жи-

лице, представившись простым пареньком, которому очень понравился вид из её квартиры. Куда он хотел бы привести свою маму, решившею приехать к нему погостить. Так как в его собственной квартире ремонт, а приводить маму в гостинцу – где он сейчас живёт, не хочется. Пожилая женщина долго умилялась, любящему сыну и хорошим деньгам, выданным за три дня вперёд, и к вечеру того же дня убралась, решив, что пора и ей навестить свою дочку.

В комнате тишина и мрак. Обнявший винтовку мужчина дышит ровно, его сердцебиение спокойно, а пульс чёткий словно хронометр, – тук – тук- Он спокоен и умиротворён.

Это словно йога.

Широко расставленные ноги расслаблены. Спина чуть согнута, но не слишком. Указательный палец правой руки покоится на курке. Левая упираясь локтем на заботливо постельное полотенце, поддерживает подствольник. С этого момента он наблюдатель. Он словно учёный, созерцающей на жизнь через свой микроскоп.

Быстрый взгляд на электронные наручные часы, для удобства повёрнутые на сторону ладони.

Он педантичен и любит точность. Точность, во всех смыс-

лах. Ствол перестаёт блуждать и настраивается на одну точку. У дальних, восточных ворот парка, где через пять минут должен появится чёрный Мерседес. (Модель не из дешевых) Из неё выйдет мужчина сорока двух лет. Гладко выбритый подбородок. Короткие чёрные волосы и вечно довольная ухмылка. У него двое взрослых детей, студенты престижного заграничного университета, нелюбимая жена и куча любовниц, включая молоденькую секретаршу. И если подсчитать, то за свою долгую и весьма плодотворную карьеру, у него уже могло бы появиться с десяток детишек, мальчиков и девочек, рыжих и блондинов, светлокожих и смуглых. Но он об этом не горюет. Как впрочем и их несостоявшиеся матери, которые получив солидное вознаграждение не имеют к нему никаких притязаний, за то что позволили в них кончить. Ведь он любит, чтобы всё было по-настоящему. И потом, он ведь не убивал своих детей. Нет. Он предпочитает мечу дипломатию. Он не делает смертельных инъекций, не рубит голов, не пускает ток к электрическому стулу. Нет. Его руки запачканы не кровью. Они запачканы чернилам.

Мерседес на месте. Как раз вовремя.

Как и снайпер, цель консервативна, и не любит резких перемен. Поэтому вот уже пятый год подряд, ровно в девять утра у восточных ворот парка, появляется его автомобиль, высаживает хозяина и неспешно направляется к противопо-

ложным воротам ожидать его возвращения. Пока он совершает неспешную получасовую пробежку, прежде чем отправится к зданию верховного суда, где служит до крайности дорогим адвокатом.

В прочем его цена, оправдана. В нужных кругах, он давно получил известность адвоката способного превратить серийного маньяка в ангела, а жертву в козла отпущения. “Запугать. Смошенничать. Купить”. Эта три постулата стали для него как девиз. Но вот произошло так, что недавно, за весьма приличную сумму купили его самого. “ Заказ сделан, аванс получен, курок взведён”

Постоянно возникающие мысли, словно прощальная молитва:

«Мне всё равно, что ты сделал и чью дорогу перешёл. Я не душеприказчик и не палач. Я Харон. Последний кто услышит твой смех, кто увидит твой плачь»

А сейчас не волнуйся. Беги, беги мой друг. А я буду рядом. Дыши ровна. Втягивай воздух, наполняй свои лёгкие кислородом. Вот так. Оглянись. Погляди вокруг. Прислушайся к звукам жизни. Шуму листьев, плеску воды, детскому смеху. Почувствуй как свежий ветерок ласкает твоё лицо, обволакивает лодыжки, освежает плечи, треплет волосы.

Вот так, беги, беги. Ты в центре жизни. Ты и есть жизнь. А я. Я здесь только ради тебя.

Отлично. Вот и финишная прямая. Осталось не долго.

Тело снайпера подается чуть вперёд. Мышцы напрягаются как пружина, словно гепард, затаившийся перед решающим броском.

Выдох.

– Раз – Два – …

Выстрел.